

ЛЕКЦИЯ № 6. СВОБОДА И ЯЗЫК. ЧАСТЬ 2

Иосиф Дзялошинский,

Академия коммуникации и информации (Россия)

Аннотация: Лекция посвящена анализу проблем, связанных с возможностью использовать разные языковые ресурсы для воздействия на сознание и поведение адресата коммуникативного взаимодействия. Показано, что идея ничем не ограниченной свободы языка актуализирует проблему использования нецензурной лексики и “свободное” обращение с лексическими и грамматическими нормами. Сразу возникает вопрос о так называемом языковом и речевом хулиганстве. Еще более важная проблема связана с так называемым “языком вражды”, питательной средой которого является ксенофобия. В лекции исследуются причины использования “языка вражды”, его виды и формы. Предлагается заменить расплывчатое понятие “язык вражды” понятием “речевая агрессия”. Опираясь на мысль Б. Спинозы, согласно которому свобода применительно к человеческому поведению есть осознанная необходимость, рассмотрен другой способ использования языковых технологий, объединяемых понятием “политкорректность”. Рассмотрены суть этой модели человеческой коммуникации, её теоретические предпосылки, позитивные и негативные аспекты использования.

Ключевые слова: свобода, язык вражды, речевая агрессия, политкорректность.

Коронавирусный “язык вражды” в социальных сетях и на интернет-платформах

Пандемия COVID-19 стала очередным триггером для раскола общества на “своих” и “чужих” и, как следствие, причиной для усиленного распространения “языка вражды” по отношению к людям, принадлежащим к разным расам, народам, в большей степени к азиатам, в частности к китайцам, а также к тем, кто против локдауна, и к тем кто за, к тем, кто не прививался или наоборот прививался, к тем кто за масочный режим или против — иными словами, ко всем новообразовавшимся социальным группам, которые в результате неологизации языка получили свои собственные номинации, к примеру, “ковидиоты”, “ковид-диссиденты”, “ваксеры”, “масочники” и т. п.

Резкий рост ненависти возник и по отношению к религиозным людям, например, паломникам, которые отказывались от медицинского лечения, или к тем, кто исповедует ислам, так как у них есть культура проведения ежедневного коллективного намаза в общественных местах, что могло способствовать распространению вируса, подвергать людей опасности и, как следствие, вызывало у многих негативную реакцию. Агрессия в интернете сваливалась и на тех, кто устраивал публичные мероприятия.

В период пандемии COVID-19 языковая среда в России претерпевала активную неологизацию: появилось более чем

DOI:

[https://doi.org/10.62499/
ijmcc.vi12.273](https://doi.org/10.62499/ijmcc.vi12.273)

Цитировать:

Дзялошинский, Иосиф. 2026. СВОБОДА И ЯЗЫК. ЧАСТЬ 2. Международный научный журнал медиа и коммуникаций в Центральной Азии. 12: 123-145

3 000 новых слов для обозначения новых явлений, происходящих в мире (Приемышева, 2021, с. 17). По данным информационного агентства “Интегрум”, в первые месяцы пандемии частота использования ключевых слов коронавирусного дискурса значительно увеличилась (Приемышева, 2021, с. 18). Этот факт служит доказательством того, что информационное поле и, в частности, социальные сети и блог-платформы резко пополнились огромными объемами контента, связанного с пандемией.

Подводя итог, можно сделать вывод, что свобода в области языка, лишенная определенных ограничений, не может быть правильным выбором. Как отметил Д. Дэвидсон (Дэвидсон, 1990) самая неудачная коммуникация между языками полезнее для людей, чем процветание великого замкнутого языкового сообщества. Язык делает нас безгранично свободными для того, чтобы мы сами положили этой свободе предел.

Политкорректность как языковая деятельность, выполняемая с учетом внешних и внутренних ограничений

Рассмотрим другой способ использования языковых ресурсов, обеспечивающих коммуникацию между участниками дискуссий, придерживающихся разных взглядов на обсуждаемый предмет. Речь идет о языковых технологиях, объединяемых понятием “политкорректность”.

В строгом смысле слова политическая корректность — это система взаимоотношений субъектов гражданского общества и государства, основанная на взаимном уважении, признании и учете интересов и целей всех взаимодействующих сторон, высокой политической культуре, цивилизованных формах выработки и реализации решений, оперировании достоверной и полной информацией. Политическая корректность предполагает безусловное преимущество общепризнанных прав и свобод человека, общества и государства над достижением односторонних преимуществ какой-либо из сторон. Это, в свою очередь, предусматривает преимущественно договорную форму взаимодействия, базирующуюся на взаимных уступках и исключении силовых форм решения проблем (Евлентьев, 2004).

Однако при общетеоретической ясности смысла политкорректности, конкретное содержание этого понятия до сих пор представляет собой поле дискуссий. Так, например, в диссертации В.В. Майбы предлагается следующее определение: “Политкорректность представляет собой социальное движение, целью которого является исключение из социальной жизни любых проявлений дискриминации, т. е. притеснения по любым социально значимым признакам (пол, возраст,

материальное положение, расовая и национальная принадлежность, сексуальная ориентация и т. д.)” (Майба, 2013, с. 3).

Развивая это положение, В.В. Майба пишет: “Под языком политкорректности естественно понимать словарь, ‘очищенный’, ‘правильный’ вариант языка, который исключает или сводит к минимуму дискриминацию социальных групп, находящихся в невыгодном положении” (Майба, 2012, с. 102). Исследователь рассматривает язык политкорректности как двухуровневое образование, включающее идеологемы, т. е. слова и выражения, которые непосредственно выражают ценности и установки политкорректности, и собственно политкорректные языковые единицы, представляющие собой результат применения идеологем политкорректности к языковой системе. Идеологема — слово или выражение, смысловое содержание которых “неодинаково понимается сторонниками различных политических взглядов, особенно часто эти различия связаны с эмоциональной окраской слова, на которое переносится оценка соответствующего явления” (Майба, 2012, с. 102).

В “Большой актуальной политической энциклопедии” сообщается, что “политкорректность — (политическая корректность, от англ. political correctness)” определяется как “культурно-поведенческая и языковая тенденция, нацеленная на замену устоявшихся терминов, могущих задеть чувства и достоинство того или иного индивидуума эмоционально нейтральными и/или положительными эвфемизмами” (Большая актуальная политическая энциклопедия, 2009, с. 242). Таким образом, в качестве инструмента политкорректности назван язык.

В “Словаре иностранных слов русского языка” дано следующее определение: “Политическая корректность, политкорректность — [англ. political correctness, сокр. РС]” — “понятие-лозунг, демонстрирующее либеральную направленность современной политики <...> имеет дело не столько с содержанием, сколько с символическими образами и корректировкой языкового кода. Речь декорируется знаками антисизма, экологизма, терпимого отношения к национальным и сексуальным меньшинствам” (Комлев, 2000, с. 890).

В публицистической практике этот термин часто используется как синоним необходимой “коммуникативной сдержанности”, “умения держать себя в руках”. Собственно корректность трактуется как “соблюдение в словах и поступках требований вежливости, приличий, долга. Видимо, корректность как коммуникативную характеристику можно включить в полевую структуру другой коммуникативной характеристики, получившей наименование тактичность, или

такт: ‘Такт. (лат. *tactus* — прикосновение) — чувство меры, подсказывающее правильное отношение, подход к кому-, чему-нибудь, создающее умение держать себя подобающим образом’ “ (Романова, URL).

В этом смысле политкорректность соотносится и с такими регулятивами или постулатами коммуникации, как вежливость, учтивость, обязательность. Синонимами слова корректность являются любезность, галантность, обходительность, уважительность, предупредительность, правильность, пристойность, вежливость, тактичность, точность, деликатность, приличность, учтивость, четкость (Романова, URL).

Немного истории

Дискуссии вокруг политкорректности и собственно практика политкорректности имеют корни в англо-американской традиции, а именно в США, Канаде, Австралии, Великобритании. По отношению к этим обществам применяется понятие политкорректная культура (Ely, Meyerson, Davidson, 2006). Политкорректность сложилась в 1980–1990-е гг. как политическое движение за права женщин (движение феминизма) и социальных групп со статусом меньшинств — национальных, сексуальных, а также под влиянием трансформаций в академической университетской среде, пересматривающей свои речевые коды во взаимодействии между отдельными людьми и социальными группами (Чернявская, 2021).

Движение политкорректности выдвинуло тезис о существовании в языке “слов-угнетателей”, понижающих социальную самооценку некоторых групп в обществе. Политкорректность выразилась среди прочего в движении альтернативной номинации, что обусловило ряд замен в английском языке. В первую очередь это гендерно нейтральные обозначения, к которым привело переосмысление словообразовательного суффикса *-man*. Этот суффикс рассматривался как показатель деятеля в номинациях профессий, рода занятий в словах типа *postman* (“почтальон”), *fireman* (“пожарный”). Идеология политкорректности выдвинула и “оживила” значение суффикса как показателя грамматического рода. Возникли новые номинации *chair*, *chair people* вместо *chairman*, *salesperson* вместо *salesman*. А необходимость точно указать гендер лица, осуществляющего ту или иную деятельность, привела к возникновению образований типа *male nurse* (“сиделка-мужчина”). Политкорректность выражается в обязательной номинации субъекта действия в формах обращения, не маркирующих семейный статус, — *Mrs.* вместо *Ms.* и в номинации статуса *Dr.*, *Professor*. Происходит также замена тех наименований, которые оцениваются как проявления соци-

ального элитизма — осознания превосходства от принадлежности к определенной социальной группе: *developmentally challenged* (“труднообучаемый, имеющий трудности в развитии”) вместо умственно отсталый; *alternatively schooled* (“альтернативно обученный”) вместо *uneducated* (“безграмотный, необразованный”) используется *illiterate*. В переоценке интеллектуальных, эстетических критериев оценки другого человека типичен компонент *challenged: mentally challenged (retarded)* для замены умственно отсталый, *vertically challenged (short)* для низкорослый (Beard, Cerf, 1995).

В 1980–2000-е гг. целенаправленно вытеснялись языковые единицы, выражающие неприемлемые в обществе дискриминационные коннотации. Так, вместо негр социально приемлемым стало афроамериканец, афромосквич, вместо араб — выходец из стран Магриба и т. д. Соответственно, признается правильной замена языковых единиц, в том числе в литературных произведениях, например, во всемирно известных книгах М. Твена на английском языке *negro* заменяется на *black*.

Таким образом, в современной англоязычной коммуникативной культуре сложилась система языковых средств и приемов демонстрации толерантности, в частности, в лексической системе сложилась практика статусного именованя лица без подчеркивания его социально-ролевых признаков. Речь идет о стремлении “найти новые способы языкового выражения взамен тех, которые задевают чувства и достоинства индивидуума, ущемляют его человеческие права привычной языковой бестактностью и/или прямолинейностью в отношении расовой и половой принадлежности, возраста, состояния здоровья, социального статуса, внешнего вида и т. п.” (Тер-Минасова, 2000, с. 115).

Политическая корректность не осталась уникальным явлением в американском пространстве. Аналогичное явление (*Politische Korrektheit; politische Korrekturen*) сложилось в Германии (Diederichsen, 1996; Wimmer, 1998). Это также проявилось как тенденция к замене нейтральных обращений, не маркирующих семейный статус (так, *Frau (Mrs.)* вытеснило *Fraulein (Ms.)*), а также в использовании в академической среде гендерно нейтральных форм *Studentinnen und Studenten* и на письме формы *StudentInnen*. Наряду с этим круг тем, объединенных в рамки политкорректности, после объединения Германии в 1990 г. был помещен в политический контекст и дал импульс к новому витку обсуждений и исследований языка западных и восточных немцев в связи с немецкой национальной идентичностью. Тенденция политкорректности проявила себя в том, что касается чувствительной для немец-

кого общества темы национал-социалистического прошлого Германии во Вторую мировую войну (Schiffrin, 2001).

Причины появления политкорректности

Считается, что среди причин, заставляющих американцев употреблять политкорректную лексику, выделяются приведенные ниже.

1. Стремление разрешить сложные эмоциональные ситуации, например, когда речь идет о смерти: *the loved* вместо *body, cadaver, corpse*.

2. Соккрытие правды: *culturally-deprived area* вместо *slum*; *air support missions* вместо *aerial bombardment*.

3. Придание социального статуса: *sanitary engineer* вместо *garbageman*.

4. Желание представить ситуацию как социально более приемлемую: *motion discomfort bag* вместо *vomit sack*; *pre-owned car* вместо *used car*; *recycling center* вместо *dump*.

5. Стремление удовлетворить человеческое тщеславие (с помощью рекламы): *pretty-plus girls' size* вместо *overly large (plump, fat) girls' size*.

6. «Техникализация» языка со стороны специалистов: *receiving waters* вместо *effluent (of a sewage treatment plant)* (Воробец, URL).

Американские лингвисты также рекомендуют проявлять политический такт по отношению к людям разных возрастных групп. Например, слова *girl* и *boy* не советуют употреблять о людях старше 13 лет. Подростков рекомендуют называть *young man / young woman, young adults* для того, чтобы не ущемить их самолюбие. Выражение *older person* считается более приемлемым, нежели *elder, elderly, senior*.

Однако политическая корректность проявляется не только на лексическом уровне, но особое внимание обращается и на жесты, указывающие на расовую принадлежность. Как отмечается в книге «*Understanding Intercultural Communication*», в языке жестов, используемом глухонемыми, были заменены некоторые обидные жесты: так, вместо поворота мизинца возле уголка глаза для обозначения японцев стало употребляться движение ладони, имитирующее форму Японских островов; вместо сплющивания носа для обозначения афроамериканцев — жест, изображающий карту Африки (Samovar, 1981, p. 212).

Вместе с тем обозначенные выше эмпирические констатации вряд ли могут объяснить масштабы политкорректности. Гораздо ближе к истине, на наш взгляд, Л.Г. Ионин, по мнению которого политкорректность есть современное воплощение принципа равенства. Требование социальной справедливости путем обеспечения равенства — сегодня принцип

консенсуса для всех политических сил в современном мире. Прямым выводом из него является подавляющее все прочие принципы требование обходиться с неравными как с равными, что рассматривается как одно из самых больших ценностей и достижений современности. Люди должны — и в цивилизованных странах это долженствование воспринимается как самоочевидное — считать равными белых и черных, мужчин и женщин, бедных и богатых, больших и маленьких, умных и глупых и т. д. Это и есть требование политической корректности, порождающей огромное количество парадоксов и абсурдов в политике и публичной жизни. Есть парадоксы и абсурды обычные, привычные, можно сказать, впитанные с молоком матери, в которых образованному человеку уже и усомниться-то неприлично. А есть парадоксы и абсурды новые и пока непривычные, но считающиеся обязательными не в меньшей степени, чем старые. К первым можно отнести любого рода принципы и требования универсализма в политике, например всеобщее избирательное право, где действует универсальный принцип «один человек — один голос», причем вес этих голосов абсолютно тождествен, независимо от того, что один голос принадлежит, скажем, гениальному ученому, умнейшему политику или благородному филантропу, а другой — ничемному пьянице или просто идиоту, вообще не способному сформулировать рациональное суждение. Эти голоса не сравниваются, и не взвешиваются, и оказывают равное влияние на принятие политических решений. Но существуют и сравнительно новые абсурды, порожденные идеологией политкорректности в ее зрелом современном состоянии. Например, подведение под одну категорию, т. е. фактическое признание равенства как в правовом, так и во всех прочих отношениях классической разнополой и гомосексуальной семьи. В некоторых кантонах Швейцарии даже заключаются церковные гомосексуальные браки. Это торжество принципа равенства в образе политкорректности (Ионин, 2010/2).

Содержательный анализ политкорректности

Если попытаться определить характер отношений между понятиями “толерантность” и “политкорректность”, то толерантность является содержанием, принципом, основой определенного социального регулятива (толерантность предполагает наличие идеи, взглядов, которым необходимо следовать), а политкорректность — формой, в том числе и речевой, его проявления, существования; политкорректность можно считать одной из коммуникативных характеристик неконфликтного речевого поведения, наряду с вежливостью, тактичностью. Толерантность определяет, ЧТО надо делать, но не дает ин-

струкций, как. Политкорректность, наоборот, представляет собой в первую очередь “пособие” по тому, КАК следует достигать реализации на практике определенной идеи. Именно принцип толерантности является идеологической основой политкорректности и политкорректного языка (Романова, URL).

Политкорректность представляет общественную жизнь полярной, выделяет в ней “хорошее” и “плохое”, “правильное” и “неправильное”, “добро” и “зло”. С помощью таких оппозиций задаются базовые ценности политкорректности. В качестве примеров можно привести такие лексемы, как равноправие/дискриминация, терпимость/нетерпимость, уважение/унижение, единство в разнообразии/иерархичность. Перечисленные лексические единицы представляют собой лексико-семантическое ядро полевой структуры концепта (понятия) политкорректность.

Стоит заметить, что лексический пласт, используемый для наименования всевозможных отрицательных явлений, которые противопоставлены политкорректности, представлен большим количеством разнообразных единиц. К ним относятся:

1) заимствованные слова (преимущественно из английского языка) с суффиксом “-изм”, который в русском языке обозначает “идейное течение, направление мысли, стиль, характер действия” и не предполагает обязательную отрицательную коннотацию: сексизм — дискриминация по половой принадлежности; гетеросексизм — система взглядов о превосходстве гетеросексуализма над другими формами сексуальности человека; элитизм — убежденность в том, что общество должно управляться небольшой группой способных людей; лукизм — дискриминация по внешности;

2) сложные слова с частью “-фобия” (от греч. фобос — страх, враждебность, нетерпимость, боязнь чего-либо). Например: ксенофобия — неприязненное отношение к иностранцам; исламофобия (разновидность ксенофобии) — ненависть к мусульманам; гомофобия — ненависть к гомосексуалистам; негрофобия — неприязнь к чернокожим людям (Майба, 2012, с. 104).

3) “собственно политкорректные” языковые единицы, которые являются результатом применения механизмов политкорректности для создания “правильного” языка: эвфемизмы, перифразы, литота и другие.

В структуре языка те или иные слова подвергаются оценке в соответствии с установками политкорректности. Неподходящим словам подбирается искусственно созданное, стилистически нейтральное слово без коннотаций. В качестве примеров можно привести следующие пары слов:

- расовая, национальная, территориальная принадлежность: негр — афроамериканец;
- половая принадлежность и сексуальная ориентация: гомосексуалист — гомосексуал;
- физические, умственные недостатки, заболевания: алкоголик — злоупотребляющий алкоголем, инвалид — преодолевающий трудности из-за своего физического состояния;
- возрастной параметр: пожилой, старый — зрелый;
- социальная принадлежность, экономическое положение: безработный — не получающий зарплату, бедный — лишенный имущества.

С лингвистической точки зрения, понятием “политическая корректность” обозначается практика, в ходе которой создается идеология языка и поддерживается идеологически мотивированная интерпретация смыслов (Чернявская, 2021). Более конкретно речь идет об исключении из употребления слов и выражений, считающихся оскорбительными для человека по признаку расы, пола, семейного статуса, возраста, вероисповедания, сексуальной принадлежности.

Отметим, что в связи с расширением сфер социальных практик, в которых принято контролировать свое речевое поведение и демонстрировать эмоциональную толерантность (Шаховский, 2008, с. 178–179), в английском языке наблюдается традиция модификации именованного человека с целью продемонстрировать следование социальной установке на соблюдение принципа толерантности в публичной коммуникации. Наряду с термином “политкорректность” сегодня используется еще один термин — “языковой такт”, который, по мнению С.Г. Тер-Минасовой, отражает “старание не обидеть, не задеть чувства человека, сохранить его достоинство, хорошее настроение, здоровье, жизнь” (Тер-Минасова, 2000, с. 215). Представляется, что именно термин “языковой такт” (сформировавшийся от англ. *tact* — *acute sensitivity to what is proper and appropriate in dealing with others, including the ability to speak or act without offending*) более точно отражает коммуникативно-дискурсивное воплощение категории “толерантность”.

Поддерживая данную точку зрения, М.С. Михайлова (Михайлова, 2012) отмечает появление в английском языке нового приема именованного лица в публичном дискурсе, в частности, перифрастическое именование лица с целью избежать употребление в устной и письменной речи слов и выражений, считающихся оскорбительными для отдельной социальной группы — людей, у которых возможности жизнедеятельности в обществе ограничены из-за физических, умственных, сенсорных или психических отклонений. Эти люди, наряду

со всеми, становятся клиентами разных компаний, предоставляющих услуги по страхованию, авиаперевозкам, досугу, гостеприимству, но они, в отличие от остальных клиентов, требуют некоторого дополнительного внимания, на что тактично указывают такие перифразы, как *physically-challenged individuals, passengers requiring extra space, passengers with limited mobility, customers with chronic conditions, mentally-challenged travelers, passenger who has both severe vision and hearing impairments, disabled patrons, deaf/ deafened/ hard of hearing attenders, visually impaired visitors, wheelchair users*. Представляется, что указанные и некоторые другие аналогичные приемы позволяют сделать общение доброжелательным и позитивным.

Языковой такт соотносим с тактикой корректной вербализации мыслей в коммуникации, позволяющей адаптировать эмоционально-оценочное отношение коммуникантов и удерживать экологию межличностного общения, что в идеале согласуется с правилами вежливой коммуникации Р.Т. Лакофф: “будь дружелюбным, чтобы твой собеседник хорошо чувствовал себя, общаясь с тобой” (Lakoff, 2004, p. 151), а также с принципами вежливости Дж. Лича, включающими максимум симпатии: “своди к минимуму антипатию между собой и собеседником” (Leech, 1983, p. 9). Стоит напомнить мысль В.И. Шаховского о значимости фактора эмоциональной адаптации коммуникантов в любой ситуации общения: “Согласно этике общения в результате любого речевого контакта у всех коммуникантов должно произойти повышение (улучшение) самооценки. Но в жизни так почти никогда не бывает, поскольку ‘градус’ эмоциональной толерантности у всех разный” (Шаховский, 2008, с. 178). Внедрение стратегий коммуникативного такта в различные сферы общения современного мультиэтнокультурного социума будет способствовать повышению эмоционального интеллекта и улучшения коммуникативного климата в современном обществе.

Однако не стоит скрывать, что формирование атмосферы политкорректности предполагает не только формирование новой этики общения. Речь идет и о том, чтобы настойчиво внедрять в практику методы противодействия “языку вражды”. В 2013 г. Департамент по делам молодежи Совета Европы развернул большой проект "No Hate Speech Movement" в рамках национальных кампаний в 45 странах. Это молодежное движение, которое выступает против разжигания ненависти в интернете, их деятельность направлена на мобилизацию молодых людей для координированной борьбы с “языком вражды” и для продвижения и укрепления защиты прав человека в интернете (What is the No Hate Speech Movement?

URL). В большинстве европейских стран существует множество государственных организаций и НКО, предоставляющих поддержку жертвам “языка вражды”, кибербуллинга, а также преступлений на почве ненависти (Reporting Hate Speech, URL).

В своих основных задачах движение "No Hate Speech Movement" перечисляет следующие шаги:

- 1) снизить уровень принятия “языка вражды”;
- 2) способствовать улучшению уровня информационной грамотности и привлекать молодежь к участию в демократическом управлении интернетом;
- 3) превратить пассивных наблюдателей за распространением ненависти в интернете в правозащитников;
- 4) предотвращать использование “языка вражды” и бороться с ним посредством образования, с помощью изучения проблем в области прав человека;
- 5) повышать осведомленность людей о рисках, которые “язык вражды” представляет для демократии и благополучия молодежи;
- 6) разрабатывать и распространять инструменты и механизмы отслеживания “языка вражды” и борьбы с ним;
- 7) мобилизовать национальных и европейских партнеров для противодействия “языку вражды” и нетерпимости как в интернете, так и вне его (No Hate Speech Movement, URL).

Социальные сети и интернет-платформы стали уделять больше внимания проблеме “языка вражды”. Они разрабатывают и предлагают свои способы, как можно защитить пользователей от кибербуллинга, хейта и как оградить информационное пространство от ненавистнических, враждебных высказываний. Сегодня практически каждая социальная сеть или интернет-платформа имеет собственные механизмы и инструменты, позволяющие регулировать публикуемый контент и информировать модераторов о всяческих нарушениях. Так, например, в 2020 г. “ВКонтакте” объявила о тестировании нейросети для борьбы с “языком вражды”. Эта система работает как искусственный интеллект, который будет автоматически определять и удалять публикации с враждебными дискриминационными выражениями, которые провоцируют пользователей на агрессию. Алгоритм может определять разные категории оскорблений и угроз, среди которых “проявления ксенофобии, расизма, гомофобии, сексизма и других предрассудков, а также оскорбления на почве религиозной принадлежности, возраста, внешности или наличия заболеваний” (“ВКонтакте” тестирует нейросеть, URL). “ВКонтакте” также добавила новую категорию жалоб — “враждебные

высказывания”, таким образом каждый пользователь сможет помочь ускорить процесс удаления враждебных материалов. После жалобы от пользователя публикация попадает на рассмотрение к модераторам. Команды модерации и поддержки в том числе проводят внутренний мониторинг с помощью механизмов автоматического поиска, технологии цифровых отпечатков и нейронных сетей (“ВКонтакте” тестирует нейросеть, URL).

Видеохостинг “YouTube” имеет свои правила в отношении дискриминационных высказываний. В своем справочном центре они описывают “язык вражды” как “высказывания, призывающие к насилию и враждебности по отношению к отдельным лицам или группам людей по любому из этих признаков: возраст, каста, инвалидность, этническая принадлежность, гендерная идентичность и самоопределение, национальность, расовая принадлежность, иммиграционный статус, религия, пол/гендер, сексуальная ориентация, статус жертвы трагедии или родственника пострадавшего, статус ветерана” (Правила в отношении дискриминационных высказываний, URL).

Блог-платформа “Яндекс.Дзен” в том числе имеет определенные требования к качеству и содержанию как контента каналов и сайтов, так и комментариев блогеров и пользователей. Под “языком вражды” платформа понимает: “любые языковые и художественные средства для выражения ненависти, в том числе негативные высказывания, призывы к дискриминации и насилию в адрес людей или групп людей по признаку:

- принадлежности к социальной группе;
- расы или национальности;
- сексуальной ориентации или гендерной идентичности;
- возраста;
- политических взглядов;
- вероисповедания, а также по любому иному признаку»

(Требования к контенту, URL).

Любой подобный контент на блог-платформе “Яндекс.Дзен” запрещен и подлежит блокировке и удалению. Помимо публикаций с содержанием “языка вражды”, платформа удаляла недостоверную информацию, касающуюся пандемии COVID-19. “Яндекс.Дзен” удалял материалы, которые:

- ставили под сомнение существование вируса или преуменьшающие серьезность заболевания;
- оспаривали необходимость мер, направленных на защиту от вируса;
- распространяли теории заговора;
- распространяли ложные сведения и мифы о вакцинах;

- пропагандировали народные средства;
- распространяли информацию о побочных эффектах от вакцинации (Требования к контенту, URL).

Интернет-платформы пытаются вести борьбу с явлением “языка вражды”, однако для снижения уровня распространённости ненавистнических, дискриминационных высказываний следует предпринимать более комплексные меры. Невозможно решить проблему глобальных масштабов только лишь при помощи удаления контента и блокировки отдельных пользователей или групп. Изменения должны происходить на государственном уровне, а также в сфере средств массовой информации, так как именно эти институты во многом создают образ действительности, формируют отношение к различным темам, настроения и мнения населения. Именно поэтому для искоренения “языка вражды” в масштабах общественной значимости изначально должны изменяться подходы к распространению информации в данных сферах: следует корректировать содержание новостей, искоренить стигматизацию, стереотипизацию, предубежденность, отказаться от любого минимального проявления дискриминации, а также противодействовать воздействию власти на СМИ как на один из основных факторов влияния на общественное мнение. Однако любые подобные меры должны проводиться под контролем международных организаций, экспертных институтов, которые помогут избежать крайностей, перекосов, ошибок, которые могут привести к ограничению свободы слова. Кроме того, следует применять образовательные меры для изменения поведения людей в интернете: формировать и поддерживать культуру экологичного общения, устранять стереотипное мышление, продвигать идеи толерантности и терпимости.

Е.Н. Галяшина и В.Д. Никишин также подчеркивают, что задействие ботов становится сегодня распространенным явлением и значимым фактором информационного воздействия как в политическом поле, так и в блогосфере (Галяшина, Никишин, с. 556). Как правило, контекст враждебных дискуссий завязан на острых темах, поднимаются национальные, этнические, гендерные, религиозные, геополитические вопросы. Как результат, комментарии троллей и ботов добиваются эмоционального отклика от реальных людей, которые в свою очередь тоже начинают использовать элементы “языка вражды”, прибегают к оскорблениям, призывают к агрессивным действиям, распространяют стереотипные взгляды, предубеждения и т. д. К слову, стереотипы и предубеждения сами по себе причастны к распространению “языка вражды” в обществе.

Политкорректность как технология давления

Многие исследователи указывают на наличие отрицательной коннотации у слова “политкорректность” (Лобанова, URL; Ионин, 2010/1). Политкорректность как социальный регулятив часто связывают с “лицемерием, стремлением уйти от реальных общественных проблем, замалчиванием острых противоречий, с дискриминацией большинства, насильственной маргинализацией устоявшихся традиций” (Большая актуальная политическая энциклопедия, 2009, с. 242). Л.Г. Ионин убежден в том, что “политкорректность — это идеология современной массовой демократии, служащая, с одной стороны, обоснованию внутренней и внешней политики западных государств и союзов, а с другой — подавлению инакомыслия и обеспечению идейного и ценностного консенсуса” (Ионин, 2010/1, с. 210).

Практика показала, что политическая корректность из практики использования языка, нацеленной на преодоление дискриминации и оскорбления социально уязвимых групп, трансформируется в социальное давление и борьбу со скрытыми смыслами (Чернявская, 2021). В таком развороте она может становиться несбалансированной реакцией, предписаниями, которые в публичной медийной сфере доводятся до абсурда (Mills, 2003, p. 91). В публикациях 1990–2000-х гг. о политкорректности говорят как о нетерпимости, “гегемонии мышления”, результатом которой стало поколение граждан, парализованное страхом задеть хрупкое эго другого (Suhr, Johnson, 2003, p. 5; Wilson, 1995). Политкорректность в “избыточных дозах” приводит к разрушительным результатам (Marques, 2009). Многие проявления политкорректности не просто упрощают и тривиализируют сложные социальные явления, но могут быть разрушительны (Lakoff, 2000).

Причем речь идет уже не только о коммуникационных проблемах. Всё гораздо серьезнее. В кинематографе и даже в компьютерных играх меньшинства вводят создателей в рамки, притесняя этим самым права создателей на свободное творчество. Это как цензура наоборот. Ниже приведено несколько примеров социальных последствий политкорректности (Шесть Случаев Неадекватной Политкорректности, URL).

1. Сериал “Чернобыль”. Сейчас любой голливудский фильм без чернокожих считается проявлением расизма. Даже если это противоречит здравому смыслу. Например, в расизме обвинили сериал “Чернобыль” за то, что там нет ни одного чернокожего актера. Никто не задумывается над тем, что в СССР этот цвет кожи был не самым распространенным.

2. Battlefield V. В этой компьютерной игре события разворачиваются во время второй мировой войны. Наряду с бе-

локожими героями войны представляют чернокожего, азиата и женщину без руки, которая одним ударом сшибает стокилограммовых амбалов. То есть политкорректность потребует теперь и историю переписать, чтобы никто не обижался?

3. Ведьмак. Создателям этого сериала на Netflix пришлось неплохо попотеть при выборе актерского состава. Несмотря на то, что события сериала разворачиваются в средневековой Польше, и вроде бы очевидно, что все актеры должны быть славянской внешности — все оказалось не так просто. С точки зрения политкорректности, на роль Цири искали чернокожую, азиатку или представительницу этнических меньшинств. Несмотря на то, что в книге Цири — голубоглазая белокожая блондинка. К счастью, здравый смысл восторжествовал, и создатели ограничились лишь чернокожими эльфами в качестве второстепенных персонажей.

4. Gucci. Разгорелся скандал из-за черного свитера зимней коллекции Gucci 2019. В черной водолазке рассмотрели признаки расизма, так как красные губы и черное горло, закрывающее половину лица, напоминали многим блэкфейс — театральный грим, который когда-то использовали для изображения чернокожих. В итоге бренду пришлось принести публичные извинения и снять этот товар с продаж. Инициативу поддержал знаменитый рэпер 50 CENT. Он выставил видео в своем инстаграм, где он сжигает футболку Gucci. Также он заявил, что собирается избавиться от всех вещей этого бренда. Если бы футболка была белого цвета, стали бы белокожие кричать о своих правах? Да и что обидного в театральном гриме? По идее брендам нужно в принципе отказаться от выпуска вещей черного цвета? Ведь первое, что приходит в голову адекватному человеку, который покупает черные брюки — это невыносимое желание унижить чернокожих? Получается так?

5. Оскар. В расизме успели обвинить и знаменитую премию Оскар в 2016 г., когда не было номинировано ни одного чернокожего. В итоге в следующем году Оскар получили сразу трое афроамериканцев, обогнав таких давно признанных актеров, как Роберт Дауни Младший и Джонни Депп.

6. Джордж Флойд. Нашумевшая история 2020 г. Из местного карманника сделали национального героя, и по всему миру начались протесты. В Штатах дошло до мародерства, поджогов и даже убийств. И все это во время эпидемии коронавируса, когда из дома в принципе нельзя было выходить.

Существует вполне обоснованное мнение, что чрезмерная политкорректность приводит к замене фундаментального европейского концепта “истинность” на концепт “политкорректность”, а значит, приводит и к изменению статуса научно-

го знания. Если, прежде чем ученый выскажет свое суждение или изложит результаты исследований, он начинает просчитывать варианты возможного судебного преследования или морального прессинга (появился даже термин — “моббинг”, то есть коллективный психологический террор), то про науку можно забыть. В лучшем случае мы будем иметь политкорректных экспертов и публицистические произведения, пересыпанные научной терминологией.

Заключение

Свобода мнений и их выражения по сути является краеугольным камнем прав человека и столпами свободных и демократических обществ. Эти свободы поддерживают другие основные права, такие как право на мирные собрания, на участие в ведении государственных дел и на свободу вероисповедания. Бесспорным фактом является то, что цифровые средства массовой информации, включая социальные сети, укрепили право искать, получать и распространять информацию и идеи. Поэтому неудивительно, что законодательные усилия по регулированию свободы выражения мнений вызывают опасения, что попытки положить конец языку ненависти могут подавить инакомыслие и оппозицию. Однако необходимость защиты свободы выражения мнений от цензуры со стороны государств или частных корпораций зачастую используется для противодействия усилиям по регулированию ненавистнических высказываний, в частности в интернете.

Для борьбы с языком ненависти Организация Объединенных Наций оказывает поддержку более позитивным высказываниям и гарантирует уважение свободы выражения мнений как норму. Таким образом, любые ограничения должны быть исключением и должны быть направлены на предотвращение вреда и обеспечение равенства или участия в общественной жизни для всех и каждого. Наряду с соответствующими положениями международного права в области прав человека, Рабатский план действий Организации Объединенных Наций (Ежегодный доклад, URL) содержит ключевые указания для государств в отношении различия между свободой выражения мнений и «подстрекательством» (к дискриминации, вражде и насилию), запрещенным в соответствии с уголовным правом. Определение того, когда потенциальный вред достаточно высок, чтобы оправдать запрет на высказывания, до сих пор является предметом многочисленных споров. Однако государства могут использовать и альтернативные инструменты, такие как образование и продвижение сообщений противоположной направленности, для решения всего спектра проблем, связанных с ненавистническими высказываниями как онлайн,

так и офлайн. «Противодействие ненавистнической риторике не означает ограничения или запрета свободы слова. Речь идет о недопущении перерастания этой риторики во что-то более опасное, в частности в подстрекательство к дискриминации, вражде и насилию, которое запрещено международным правом» (Opening remarks, URL).

Масштаб дискуссий свидетельствует о том, что вопрос о продвижении толерантного языка вместо неограниченной языковой и речевой свободы в ближайшее время вряд ли найдет удовлетворительное решение. Очевидно одно: рассчитывать на то, что кто-либо готов добровольно поступиться своей свободой, бессмысленно. Но и уповать на решение этих проблем с помощью государственного регулирования опасно. Здесь Родос, здесь прыгай.

Список литературы:

Акопов, С.В. (2011). Основные подходы к построению политического сообщества в эпоху глобализации. Управленческое консультирование, № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-podhody-k-postroeniyu-politicheskogo-soobschestva-v-epohu-globalizatsii>

Акопов, С., Прошина, Е. (2011). Неоконченное приключение образа «врага»: от теории «секьюритизации» до «далеких местных». Власть. № 1.

Баранов, А. Н. (2011). Лингвистическая экспертиза текста: теоретические основы и практика. Москва. Флинта. Наука.

Большая актуальная политическая энциклопедия. 2009. Москва. Эксмо.

Бэрон, Р., Ричардсон, Д. 2001. Агрессия. Санкт-Петербург. Питер.

Василенко, Е. Н. 2019. «Язык вражды»: к определению термина. Романовские чтения. Могилев. Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова.

Виктимблейминг: когда обвиняют жертву. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/611a653e9a7947d8200d28e4>

Витгенштейн, Л. 2022. Логико-философский трактат. Москва.

«ВКонтакте» тестирует нейросеть для борьбы с языком вражды. URL: <https://vk.com/press/no-hate-speech>.

Внебрачных, Р. А. 2012. Троллинг как форма социальной агрессии в виртуальных сообществах. Вестник Удмуртского университета. № 1.

Воробец, Л. В. Проблема политкорректности в аспекте межкультурной коммуникации. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-politkorrektnosti-v-aspekte-mezhkulturnoy-kommunikatsii>

Воронина, Е. А., Токтогулова, Э., Кайыпов, Э. 2021. «Язык вражды» в современном медиа- и коммуникационном пространств. Бишкек. ОФ «Центр поддержки СМИ».

Галяшина, Е. И., Никишин, В. Д. 2021. Язык вражды как угроза информационной безопасности интернет-коммуникации. Вестник Санкт-Петербургского университета. № 12(3).

Ганди, М. 2012. Революция без насилия. Москва. Алгоритм.

Гладилин, А. В. 2013. «Язык вражды» как форма проявления конфликтов, основанных на стереотипах. Вестник Челябинского государственного университета. № 21(312).

Грищенко, А. И., Николина, Н. А. 2006. Экспрессивные этнонимы как приметы языка вражды. Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте современности. Екатеринбург. Уральский университет.

Гудков, Л. Смещенная агрессия: отношение россиян к мигрантам. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/smeshennaya-agressiya-otnoshenie-rossiyan-k-migrantam>.

Гусейнов, Г. Раскрытие русского языка к свободе. URL: <https://www.hse.ru/news/1163625/92141669.html>

Дзялошинский, И. М. 2019. Образы вражды в российских СМИ: социальные, культурные, профессиональные факторы. Дзялошинский И. М., Дзялошинская М. И. Российские СМИ: как создается образ врага. Статьи разных лет. Чебоксары: ИД «Среда».

Дзялошинский, И. М. 2006. Язык вражды в российских СМИ: социальные, культурные, профессиональные факторы. Москва. Гуманитарный институт.

Дэвидсон, Д. 1990. Функционирование русского языка: методический аспект. Москва. Русский язык.

Евлентьев, И. 2004. Определение политической корректности. Москва. Независимый пресс-центр.

Евстафьева, А. В. 2009. Язык вражды в средствах массовой информации: лингвистические и экстралингвистические факторы функционирования. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тамбов.

Ежегодный доклад Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/g13/101/50/pdf/g1310150.pdf>

Ефремов, В. А. 2021. Язык вражды: ковидный извод. Русский язык коронавирусной эпохи. Санкт-Петербург. Институт лингвистических исследований Российской академии наук.

Закоян, Л. М. 2008. Речевая агрессия как предмет лингвистических научных исследований. Вестник РУДН. № 2.

Ионин, Л. Г. 2010/1. Апдейт консерватизма. Москва. Издательство Государственного Университета — Высшей Школы Экономики.

Ионин, Л. Г. 2010/2. Общество меньшинств: политкорректность в современном мире. Москва. Издательство Государственного Университета — Высшей Школы Экономики.

Коданева, С. И. Кибербуллинг: причины явления и методы предупреждения. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kiberbulling-prichiny-yavleniya-i-metody-preduprezhdeniya>

Комлев, Н. Г. 2000. Словарь иностранных слов. Москва. Эксмо-Пресс.

Кочетков, Я. Газлайтинг: насилие, о котором не говорят. URL: <http://www.psychologies.ru/standpoint/gazlayting-nasilie-o-kotorom-ne-govoryat/>

Кравец, М. Газлайтинг — это что такое, и как с ним бороться?

URL: <http://fb.ru/article/357254/gazlayting---eto-chto-takoe-i-kak-s-nim-borotsya>

Кэтколлинг: почему женщинам свистят на улице и как на это реагировать. URL: <https://lifelife.ru/ketkolling/>.

Лобанова, Л. П. Осторожно: политкорректность! URL: <https://www.liveinternet.ru/users/3266779/post107992474/>

Майба, В. В. 2012. О структуре языка политкорректности (на примере английского и русского языков). Политическая лингвистика. № 2.

Майба, В. В. 2013. Политическая корректность как лингвоидеологическое явление и ее рецепция в русской лингвокультуре. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону.

Михайлова, М. С. 2012. Языковой такт при именовании лица в англоязычном клиентском дискурсе. Вестник ВолГУ. Серия 2. Языкознание. № 2 (16).

Насилие и его влияние на здоровье. 2003. Доклад о ситуации в мире. Москва. Весь Мир.

Никоненко, С. В. 2018. Витгенштейн и лингвистическая философия в контексте отечественной философской мысли. Санкт-Петербург. Издательство РХГА.

Поварницына, Н. С. Свобода творчества и феномен хулиганства в русской лирике Серебряного века (В. Брюсов, В. Каменский, С. Есенин). URL: <http://elibrary.udsu.ru/xmlui/bitstream/handle/123456789/4594/rovarnic.pdf?sequence=1>

«Почему он не отвечает»: что такое гостинг, и как не стать его жертвой. URL: <https://www.marieclaire.ru/psychology/pochemu-on-ne-otvechaet-chto-takoe-gosting-i-kak-ne-stat-ego-zhertvoi/>

Почему подглядывают за бывшими в сети. URL: https://www.gazeta.ru/tech/2015/09/25/7777175/online_surveillance.shtml.

Правила в отношении дискриминационных высказываний. URL: <https://support.google.com/youtube/answer/2801939>.

Приемышева, М. Н. 2021. Язык вражды: ковидный извод. Русский язык коронавирусной эпохи. Санкт-Петербург. Институт лингвистических исследований Российской академии наук.

Романова, Т. В. Толерантность и политкорректность: Аналитический обзор современного состояния проблемы (лингвистический аспект). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tolerantnost-i-politkorrektnost-analiticheskiy-obzor-sovremennogo-sostoyaniya-problemy-lingvisticheskiy-aspekt>

Российский синдром отмены. 2022. СоциоДиггер. № 3–4 (17).

Спиноза, Б. 1999. Избранное. Минск. Попурри.

Тер-Минасова, С. Г. 2000. Язык и межкультурная коммуникация. Москва. Слово / Slovo.

Толковый словарь Ожегова. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=36532>.

Требования к контенту. URL: <https://yandex.ru/support/zen/requirements/rules.html#hatespeech>.

Троллинг, аутинг и фрейпинг: разбираемся в сетевой травле. URL: https://mel.fm/vospitaniye/psikhologiya/834126-cyber_bullying_guide

Флейминг, хейтинг и не только: что родители должны знать о кибербуллинге. URL: <https://mel.fm/blog/anastasia-muraveva/56703-fleyming-kheyting-i-ne-tolko-chto-roditeli-dolzhen-znat-o-kiberbullinge>.

Хроменков, П. Н. 2014. «Язык вражды» как направление научного дискурса. Иностранные языки в высшей школе. № 2.

Чернявская, В. Е. 2021. Социальное значение в зеркале политической корректности. Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 18 (2).

Что такое «культура отмены». URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/5f141f629a7947a2dd971850>.

Что такое «шейминг» и чем он опасен? URL: <https://repost.uz/shame-on-you>.

Шаховский, В. И. 2008. Лингвистическая теория эмоций: монография. Москва. Гнозис.

Шесть Случаев Неадекватной Политкорректности. URL: <https://www.sashafirs.com/blog/weird-political-correctness/>

Щербинина, Ю. В. 2004. Русский язык: Речевая агрессия и пути ее преодоления. Москва. Флинта.

Щетинина, А. В. 2022. Хейт и ненависть как формы вражды в современной коммуникации: опыт портретирования лексем и понятия. Вестник Томского государственного педагогического университета. № 1.

Bar-Tal, D. 1989. Delegitimization: The extreme case of stereotyping and prejudice. *Stereotyping and prejudice: Changing conceptions*. New York. Springer.

Bauman, Z. 2004. *Europe: An Unfinished Adventure*. Cambridge. Polity Press.

Beard, H., Cerf, C. 1995. *The Official Politically Correct Dictionary and Handbook*. New York.

Diederichsen, D. 1996. *Politische Korrekturen*. Köln. Kiepenheuer & Witsch.

ECRI General policy recommendation no. 15 on combating hate speech. Council of Europe. URL: <https://rm.coe.int/ecri-general-policy-recommendation-no-15-on-combating-hate-speech/16808b5b01>

Ely, R. J., Meyerson, D. E., Davidson, M. N. 2006. Rethinking political correctness. *Harvard Business Review*. 84 (9).

Handbook of Prejudice, Stereotyping and Discrimination. 2009. New York. Hove: Taylor & Francis Group.

Hate Speech. Council of Europe. URL: <https://www.coe.int/en/web/freedom-expression/hate-speech>

Lakoff, R. 2000. *The Language War*. Berkeley. University of California Press.

Lakoff, R. T. 2004. *Language and Woman's Place: Text and Commentaries*. Oxford University Press.

Leech, G. N. 1983. *Principles of Pragmatics*. London. New York.

MacCallum, G. C. 1967. Negative and Positive Freedom. *The Philosophical Review*. Vol. 76. No. 3.

Marques, J. 2009. How Politically Correct Is Political Correctness? A SWOT Analysis of This Phenomenon. *Business & Society*. 48 (2).

Mills, S. 2003. Caught between Sexism, anti-Sexism and Political Correctness: Feminist women's Negotiations with naming practices. *Discourse and Society*. 14 (1).

No Hate Speech Movement. URL: <https://rm.coe.int/1680700016>.

Opening remarks at press encounter at launch of United Nations Strategy and Plan of Action on Hate Speech. URL: <https://www.un.org/sg/en/content/sg/speeches/2019-06-18/un-strategy-and-plan-of-action-hate-speech-press-remarks>

Reporting Hate Speech. URL: <https://www.coe.int/en/web/no-hate-campaign/reporting-hate-speech>

Ruscher, J. 2001. *Prejudiced Communication*. New York.

Samovar, L. A. 1981. *Understanding Intercultural Communication*. Belmont. California. Wadsworth Publishing Company.

Schiffrin, D. 2001. Language, Experience and History: What Happened in World War II. *Journal of Sociolinguistics*. 5 (3).

Suhr, S., Johnson, S. 2003. Re-visiting PC. Introduction to Special Issue on Political Correctness. *Discourse and Society*. (14).

Taras, R. 2009. *Europe Old and New: transnationalism, belonging, xenophobia*. Lanham.

United Nations strategy and plan of action on hate speech. United Nations Office on Genocide Prevention and the Responsibility to Protect. URL: <https://www.un.org/en/genocideprevention/documents/UN%20Strategy%20and%20Plan%20of%20Action%20on%20Hate%20Speech%2018%20June%20SYNOPSIS.pdf>.

What is the No Hate Speech Movement? URL: <https://www.coe.int/en/web/no-hate-campaign>

Wilson, J. K. 1995. *The Myth of Political Correctness: the Conservative Attack on Higher Education*. Durham, NC: Duke University Press.

Wimmer, R. 1998. Politische Korrektheit (political correctness). verschärfter Umgang mit Normen im Alltag. *Der Deutschunterricht*. Jr. 50 (3).

Об авторе:

Дзялошинский Иосиф Михайлович (Москва, Россия) – доктор филологических наук, проректор по науке Академии коммуникации и информации, член Правления Национальной ассоциации исследователей массмедиа, действительный член Евразийской академии телевидения и радио, член редакционного совета Российской коммуникативной ассоциации, imd2000@yandex.ru.

LECTURE #6. FREEDOM AND LANGUAGE. PART 2

Abstract: The lecture is devoted to the analysis of problems associated with the possibility of using different language resources to influence the consciousness and behavior of the addressee of communicative interaction. It is shown that the idea of unlimited freedom of language actualizes the problem of using obscene language and "free" handling of lexical and grammatical norms. The question of the so-called linguistic and speech hooliganism immediately arises. An even more important problem is associated with the so-called "hate speech", the nutrient medium of which is xenophobia. The lecture examines the reasons for using "hate speech", its types and forms. It is proposed to replace the vague concept of "hate speech" with the concept of "speech aggression". Based on the idea of B. Spinoza, according to which freedom in relation to human behavior is a conscious necessity, another way of using language technologies, united by the concept of "political correctness", is considered. The essence of this model of human communication, its theoretical prerequisites, positive and negative aspects of use are considered.

Key words: freedom, hate speech, verbal aggression, political correctness.

About the author:

Dzialoshinskii Iosif Mihailovich (Moscow, Russian Federation) — Dr. of Philol., vice-rector for Science of the Academy of Communication and Information, member of the board of the National Association of Mass Media Researchers, full member of the Eurasian Academy of Television and Radio, member of the editorial board of the Russian Communication Association (imd2000@yandex.ru).

MA'RUZA №6. ERKINLIK VA TIL: AXBOROT VA
KOMMUNIKATSIYA OLAMINING IMKONIYATLARI

Annotatsiya: Ma'ruza kommunikativ o'zaro ta'sirning adresatining ongi va xulq-atvoriga ta'sir ko'rsatish uchun turli til resurslaridan foydalanish imkoniyati bilan bog'liq muammolarni tahlil qilishga bag'ishlangan. Ta'kidlanishicha, tilning hech qanday cheklovlarsiz erkinligi g'oyasi odobsiz so'zlardan foydalanish va leksik-grammatik me'yorlarga "erkin" munosabatda bo'lish muammosini dolzarblashtiradi. Shu zahoti til va nutq bezoriligi deb ataladigan masala yuzasidan savol tug'iladi. Yana bir muhim muammo ksenofobiya o'chog'i bo'lgan "adovat tili" bilan bog'liq. Ma'ruzada "adovat tili" dan foydalanish sabablari, uning turlari va shakllari o'rganiladi. "Adovat tili" degan noaniq tushunchani "nutqiy tajovuz" tushunchasi bilan almashtirish taklif etiladi. B. Spinozaning inson xulq-atvoriga nisbatan erkinlik ongli zarurat degan fikriga tayanib, "siyosiy to'g'rilik" tushunchasi bilan birlashtirilgan til texnologiyalaridan foydalanishning yana bir usuli ko'rib chiqiladi. Inson muloqotining ushbu modelining mohiyati, uning nazariy asoslari, foydalanishning ijobiy va salbiy jihatlari tahlil qilinadi.

Kalit so'zlar: erkinlik, adovat tili, nutqiy tajovuz, siyosiy to'g'rilik.

Muallif haqida:

Dzialoshinskii Iosif Mihailovich (Moskva, Rossiya Federatsiyasi) – Filologiya fanlari doktori, Aloqa va axborotlashtirish Akademiyasining ilmiy ishlar bo'yicha prorektori, Ommaviy axborot vositalari tadqiqotchilari Milliy assotsiatsiyasi kengashi a'zosi, Evroosiyo televideniye va radio Akademiyasining haqiqiy a'zosi, Rossiya aloqa assotsiatsiyasi tahririyati a'zosi, imd2000@yandex.ru